

Третья 22 суб 1976

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ ПРИЗВАНИЕ И ПРИЗНАНИЕ

— Первым своим учителем мы считаем Пушкина, — утверждает Игорь Александрович Моисеев и всегда остается доволен недоумением собеседника. Тут есть чему удивиться: у Пушкина учились танцевать?

Да, и у Пушкина. У Гоголя и Чехова. У русского классического балета. У советских спортсменов. И еще у многих и многих. Училися яростно, беспрерывно. Иначе не родилось бы и не получило мирового признания это уникальное явление современной культуры — Государственный академический ансамбль народного танца СССР. «Их спектакли по праву считаются любимым зрелищем на всех континентах», — пишет «Чикаго трибюн». «Всемирная конкуренция в области искусства растет с каждым годом, — констатирует «Сан-Франциско кроникл», — но первое и последнее слово о народных танцах останется за моисеевцами». А это ведь одинаково трудно: и сказать первое слово, и оставить за собой положение лидера на протяжении четырех десятилетий. Такая сумма складывается только из самых прочных слоев.

— Нас родило само время, — говорит Игорь Александрович. — Оно требовало нового во всех сферах творчества, в том числе вот такого искусства, выражающего энергию народов, раскрепощенную революцией. Прежняя эстетика механически не накладывалась на живую жизнь; и хореографии предстояло приобрести иные качества.

Когда в 1936 году на сцену только что открытого Театра народного творчества хлынул Первый Всесоюзный фестиваль самодеятельности, И. Моисеев, солист Большого театра, пробовавший свои силы в качестве балетмейстера, был, как и все, ошеломлен. Да это же просто неисчерпаемый клад — танцы стольких народов! Только сумей распорядиться такой неповторимой поэзией, таким богатством образности, пластики, копившимися тысяче-

тиями. Вот что срочно надо показать стране, миру!

Однако нет ли здесь противоречия: классический балет устарел для выражения новой жизни, а более старое искусство — фольклор, идущий от древности, — годится?

Этот вполне резонный вопрос был далеко не единственным из тех, что возникли перед первым Ансамблем народного танца СССР, созданным по инициативе Моисеева. Собственно, ансамбль не только начинал дело, не имеющее ни прецедента, ни опыта. Он сразу определил самый высокий уровень требований к самому себе. Собрать фольклор, изучить, «пронумеровать» его — задача почетная, но скорее коллекционная, нежели творческая. Слов нет, интересно и ценно вынести свои находки под свет юпитеров, показать людям. Однако ведь и это, строго говоря, не искусство — демонстрировать то, что создано другими.

— Выдавать за фольклор то, что делают профессиональные артисты на профессиональной сцене, вообще недопустимо. Это значит, заниматься подделкой, фальсификацией. Помните, мы начали разговор с Пушкина? Он взял у Арины Родионовны, у народа то есть, сказки и вернул их народу, преобразованными поэтической фантазией, волшебством искусства.

Так с самого начала сформулировали моисеевцы свое отношение к материалу жизни, которому решили себя посвятить.

За поездками по стране в поисках «заготовок» следовали репетиции и споры. Споры между собой, острая полемика в профессиональной среде. Ведь в ту пору еще никто не знал, что ансамбль вызовет к жизни десятки, сотни профессиональных и любительских коллективов народных танцев, окажет свое влияние и на развитие современной хореографии в целом. Тогда еще не знали, что западные газеты будут разгадывать этот феномен.

«Ансамбль ставит в тупик

любителей эпитетов. Превосходно, фантастично, невероятно — все это так. Но почему?» («Франс суар»). «Может быть, причину столь совершенного искусства следует искать в мировоззрении советских людей» («Нувель литератер»).

Что вывело искусство Моисеева и его артистов за пределы этнографии и реставраторства настолько, что зрители планеты увидели в нем не только быт и нравы давно прошедшего прошлого, но и приметы советского образа жизни и нравственные устремления многонационального народа нашей социалистической Отчизны?

— Искусство, в том числе и балетное, гармонизирует эмоциональную жизнь человека, подсудно соединяя ее с эстетическими категориями, которые в свою очередь переходят в категории нравственные, этические, а следовательно, и духовные — это записано в одной из рабочих тетрадей хореографа.

И еще несколько записей:

— Танцевальная миниатюра имеет право на жизнь, если зритель точно узнал за несколько минут: кто? что? зачем? почему? Такой же рецепт, как и в малых формах литературы. Если, конечно, рецепты вообще существуют...

— Еще один мой учитель — Чехов, его принцип: ядро ситуации, характер, сюжет, и юмор, и лирическая интонация.

— Сюжетность — в природе фольклора, связанного с традициями, обрядами, историческими особенностями данного народа. Что такое, например, белорусская песня «Бульба»? Это — мечта об урожае картофеля, ибо, если картофель есть, год будет сытным. Чувствуете реальную основу обряда? Мы не скопировали его в своем танце «Бульба», а лишь пропустили через воображение и вывели поэтическую формулу, пластическую метафору. Метафора же — она и в стихотворении, и в архитектуре требует виртуозной профессиональности.

Фольклор, помноженный на опыт классического и современного искусства. Ну, а собственно хореография? Замысел, композиция, видение мира, понимание сверхзадачи — это ведь надо станцевать. Здесь фундамент прочнейший: отечественный классический балет, который был и остается для ансамбля школой, учебником. Это было зримо объяснено в программе «Дорога к танцу» — за нее народный артист СССР Игорь Моисеев удостоен Ленинской премии. Все дело только в том, что и к этой основе основ хореографии моисеевцы, как и к фольклору, относятся творчески. Они танцуют по всем законам классической грамматики, только наступают мгновенно, когда законы, оставаясь законами, становятся для них словно тесными и открываются ими на какой-то иной ступени сложности. Так ансамблем были заново открыты знаменитые «Половецкие пляски».

Профессионалов ошеломляет сверхчеловеческий, как им кажется, ритм спектаклей моисеевцев: его, уверяют критики, не может выдержать ни одна балетная труппа. Театральные режиссеры с завистью отмечают, что такой темперамент зрелища, такой взаимный азарт артистов и зрителей в наше время встречается только в хоккее.

— Хорошо отрепетированная синхронность, красота и скорость движения покоряют нас на физкультурных парадах — в искусстве же все это еще ничего не означает, — говорит руководитель коллектива (в скобках заметим, что этот предмет Моисеев знает хорошо, ибо именно он был художественным руководителем первых предвоенных спортивных парадов на Красной площади). — Так же, как ничего не определяет и высота прыжка. Вот когда «летит» Владимир Васильев — это поэзия, ибо здесь порыв духа. Артист, обладающий совершенной техникой и ощущением музыки, подчиняет себе сценическое пространство, живопи-

сую его своим свободным штрихом, как художник кистью. Умение вот так «разговаривать» и есть смысл профессии балетного артиста. Массовые номера, что составляют фундамент наших программ, в идеале становятся искусством только в том случае, если они исполняются солистами. И поэтому одинаково важны как профессиональные, так и нравственные качества артистов: воля, самоконтроль, желание и умение и в сольном номере, и в массовке отвечать за общую художественную задачу.

— Думаю, Государственный ансамбль народного танца СССР не стал бы тем, что есть, не будь в начале пути нашей общей одержимости и личной самоотверженности. Речь идет даже не о том периоде, когда мы существовали лишь на бумаге да в собственной фантазии, когда скинулись в поисках помещения для репетиций. Такие периоды коллективной эмоции, всепожирающего энтузиазма всегда приносят щедрые плоды. Сложнее сохранить эту моральную температуру в пору благополучия, признания, которые — что там скрывать? — нередко порождают нравственную сытость.

...Народный танец, как и всякий фольклор, есть своеобразный автопортрет нации. За четыре десятилетия, побывав во всех республиках нашей страны, ансамбль скрупулезно собрал, восстановил и «пропустил» через свое искусство неисчислимое множество таких «автопортретов». И почти в самом начале пути возник вопрос: если, опираясь на фольклор, учась у него, можно посвоему рассказать о прошлом, то почему же нельзя — о сегодняшнем дне?

Как мы уже говорили, этот коллектив на всех этапах сам устанавливал для себя и уровень задач, и уровень мастерства. При этом задачи все усложнялись и усложнялись. От малых форм — к крупным, от прошлого — к настоящему.

«Мир и дружба», «День на корабле», «Партизаны», «Праздник в колхозе», «Два Первомай», «Подмосковная лирика», «Призывники», «Фабричная кадрили», «Вива, Куба»... Сами эти названия номеров и программ разных лет говорят о художественной смелости коллектива, который первым в хореографии решительно обратился к современности. По существу мы имеем дело с театром танца, ибо по прежним понятиям такие идейно-творческие возможности по плечу только драме. Вот самая суть новаторства коллектива, открывшего и новые пути, и новые возможности балетного искусства. В пору, когда Запад был помешан на рок-н-ролле, ансамбль показал в Америке под хохот и овации всех аудиторий свой знаменитый номер «Назад к обезьяне». Это была уже не драма, а страстная, яркая публицистика, не эстетический спор, а полемика советских художников на темы нравственности, выступление в защиту человеческого в человеке.

— В балете, — как утверждает И. Моисеев, — извечно стоит проблема, общая для всех искусств: что современно?

Г. КОЖУХОВА.

На снимке: И. Моисеев с участниками художественной самодеятельности Дворца культуры моторного завода в Ярославле. Фото ТАСС.

22 янв. 1976

ПРАВДА

МАСТЕРА
КУЛЬТУРЫ

ПРИЗВАНИЕ И ПРИЗНАНИЕ

— Первым своим учителем мы считаем Пушкина, — утверждает Игорь Александрович Моисеев и всегда остается доволен недоумением собеседника. Тут есть чему удивиться: у Пушкина учились танцевать?

Да, и у Пушкина. У Гоголя и Чехова. У русского классического балета. У советских спортсменов. И еще у многих и многих. Учились яростно, беспрерывно. Иначе не родилось бы и не получило мирового признания это уникальное явление современной культуры — Государственный академический ансамбль народного танца СССР. «Их спектакли по праву считаются любимым зрелищем на всех континентах», — пишет «Чикаго трибюн». «Всемирная конкуренция в области искусства растет с каждым годом, — констатирует «Сан-Франциско кроникл», — но первое и последнее слово о народных танцах останется за моисеевцами». А это ведь одинаково трудно: и сказать первое слово, и оставить за собой положение лидера на протяжении четырех десятилетий. Такая сумма складывается только из самых прочных слагаемых.

— Нас родило само время, — говорит Игорь Александрович. — Оно требовало нового во всех сферах творчества, в том числе вот такого искусства, выражающего энергию народов, раскрепощенную революцией. Прежняя эстетика механически не накладывалась на живую жизнь; и хореографии предстояло приобретать иные качества.

Когда в 1936 году на сцену только что открытого Театра народного творчества хлынул Первый Всесоюзный фестиваль самодеятельности, И. Моисеев, солист Большого театра, пробавивший свои силы в качестве балетмейстера, был, как и все, ошеломлен. Да это же просто неисчерпаемый клад — танцы стольких народов! Только сумей распорядиться такой неповторимой поэзией, таким богатством образности, пластики, копившимися тысяче-

летиями. Вот что срочно надо показать стране, миру!

Однако нет ли здесь противоречия: классический балет устарел для выражения новой жизни, а более старое искусство — фольклор, идущий от древности, — годится?

Этот вполне резонный вопрос был далеко не единственным из тех, что возникли перед первым Ансамблем народного танца СССР, созданным по инициативе Моисеева. Собственно, ансамбль не только начинал дело, не имеющее ни прецедента, ни опыта. Он сразу определил самый высокий уровень требований к самому себе. Собрать фольклор, изучить, «пронумеровать» его — задача почетная, но скорее коллекционная, нежели творческая. Слов нет, интересно и ценно вынести свои находки под свет юпитеров, показать людям. Однако ведь и это, строго говоря, не искусство — демонстрировать то, что создано другими.

— Выдавать за фольклор то, что делают профессиональные артисты на профессиональной сцене, вообще недопустимо. Это значит, заниматься подделкой, фальсификацией. Помните, мы начали разговор с Пушкина? Он взял у Арины Родионовны, у народа то есть, сказки и вернул их народу, преображенными поэтической фантазией, волшебством искусства.

Так с самого начала сформировали моисеевцы свое отношение к материалу жизни, которому решили себя посвятить.

За поездками по стране в поисках «заготовок» следова-

ли любители эпитетов. Превосходно, фантастично, невероятно — все это так. Но почему? («Франс суар»). «Может быть, причину столь совершенного искусства следует искать в мировоззрении советских людей» («Нувель лите-ратер»).

Что вывело искусство Моисеева и его артистов за пределы этнографии и реставратора настолько, что зрители планеты увидели в нем не только быт и нравы давно прошедшего прошлого, но и приметы советского образа жизни и нравственные устремления многонационального народа нашей социалистической Отчизны?

— Искусство, в том числе и балетное, гармонизирует эмоциональную жизнь человека, подспудно соединяя ее с эстетическими категориями, которые в свою очередь переходят в категории нравственные, этические, а следовательно, и духовные — это записано в одной из рабочих тетрадей хореографа.

И еще несколько записей:

— Танцевальная миниатюра имеет право на жизнь, если зритель точно узнал за несколько минут: кто? что? зачем? почему? Такой же рецепт, как и в малых формах литературы. Если, конечно, рецепты вообще существуют...

— Еще один мой учитель — Чехов, его принцип: ядро ситуации, характер, сюжет, и юмор, и лирическая интонация.

— Сюжетность — в природе фольклора, связанного с традициями, обрядами, историческими особенностями данного народа. Что такое, например, белорусская песня «Бульба»? Это — мечта об урожае картофеля, ибо, если картофель есть, год будет сытным. Чувствуете реальную основу обряда? Мы не скопировали его в своем танце «Бульба», а лишь пропустили через воображение, и вывели поэтическую формулу, пластическую метафору. Метафора же — она и в стихотворении, и в архитектуре требует виртуозной профессиональности.

Фольклор, помноженный на опыт классического и современного искусства. Ну, а собственно хореография? Замысел, композиция, видение мира, понимание сверхзадачи — это ведь надо станцевать. Здесь фундамент прочнейший: отечественный классический балет, который был и остается для ансамбля школой, учебником. Это было зримо объяснено в программе «Дорога к танцу» — за нее народный артист СССР Игорь Моисеев удостоен Ленинской премии. Все дело только в том, что и к этой основе основ хореографии моисеевцы, как и к фольклору, относятся творчески. Они танцуют по всем законам классической грамматики, только наступают мгновения, когда законы, оставаясь законами, становятся для них словно тесными и открываются ими на какой-то иной ступени сложности. Так ансамблем были заново открыты знаменитые «Половецкие пляски».

Профессионалов ошеломляет сверхчеловеческий, как им кажется, ритм спектаклей моисеевцев: его, уверяют критики, не может выдержать ни одна балетная труппа. Театральные режиссеры с завистью отмечают, что такой темперамент зрелища, такой взаимный азарт артистов и зрителей в наше время встречается только в хоккее.

— Хорошо отрететированная синхронность, красота и скорость движения покоряют нас на физкультурных парадах — в искусстве же все это еще ничего не означает, — говорит руководитель коллектива (в скобках заметим, что этот предмет Моисеев знает хорошо, ибо именно он был художественным руководителем первых предвоенных спортивных парадов на Красной площади). — Так же, как ничего не определяет и высота прыжка. Вот когда «летит» Владимир Васильев — это поэзия, ибо здесь порыв духа. Артист, обладающий совершенной техникой и ощущением музыки, подчиняет себе сценическое пространство, живопи-

сую его своим свободным штрихом, как художник кистью. Умение вот так «разговаривать» и есть смысл профессии балетного артиста. Массовые номера, что составляют фундамент наших программ, в идеале становятся искусством только в том случае, если они исполняются солистами. И поэтому одинаково важны как профессиональные, так и нравственные качества артистов: воля, самоконтроль, желание и умение и в сольном номере, и в массовке отвечать за общую художественную задачу.

— Думаю, Государственный ансамбль народного танца СССР не стал бы тем, что есть, не будь в начале пути нашей общей одержимости и личной самоотверженности. Речь идет даже не о том периоде, когда мы существовали лишь на бумаге да в собственной фантазии, когда скинулись в поисках помещения для репетиций. Такие периоды коллективной эмоции, всепожирающего энтузиазма всегда приносят щедрые плоды. Сложнее сохранить эту моральную температуру в пору благополучия, признания, которые — что там скрывать? — нередко порождают нравственную сытость.

...Народный танец, как и всякий фольклор, есть своеобразный автопортрет нации. За четыре десятилетия, побывав во всех республиках нашей страны, ансамбль скрупулезно собрал, воссоздал и «пропустил» через свое искусство неисчислимое множество таких «автопортретов». И почти в самом начале пути возник вопрос: если, опираясь на фольклор, учась у него, можно по своему рассказать о прошлом, то почему же нельзя — о сегодняшнем дне?

Как мы уже говорили, этот коллектив на всех этапах сам устанавливал для себя и уровень задач, и уровень мастерства. При этом задачи все усложнялись и усложнялись. От малых форм — к крупным, от прошлого — к настоящему.

«Мир и дружба», «День на корабле», «Партизаны», «Праздник в колхозе», «Два Первомая», «Подмосковная лирика», «Призывники», «Фабричная кадрили», «Вива, Куба»... Сами эти названия номеров и программ разных лет говорят о художественной смелости коллектива, который первым в хореографии решительно обратился к современности. По существу мы имеем дело с театром танца, ибо по прежним понятиям такие идейно-творческие возможности по плечу только драме. Вот самая суть новаторства коллектива, открывшего и новые пути, и новые возможности балетного искусства. В пору, когда Запад был помешан на рок-н-ролле, ансамбль показал в Америке под хохот и овации всех аудиторий свой знаменитый номер «Назад к обезьяне». Это была уже не драма, а страстная, яркая публицистика, не эстетический спор, а полемика советских художников на темы нравственности, выступление в защиту человеческого в человеке.

— В балете, — как утверждает И. Моисеев, — извечно стоит проблема, общая для всех искусств: что современно?

Г. КОЖУХОВА.

На снимке: И. Моисеев с участниками художественной самодеятельности Дворца культуры моторного завода в Ярославле. Фото ТАСС.